

Любовь и тайна

Читайте романы Татьяны Корсаковой

Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Третий ключ
Дом у Чертова озера
Пепел феникса
Ночь, или Слеза ангела
Гостья, или Печать Василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний

Татьяна
Корсакова

Гостья,
или ПЕЧАТЬ
ВАСИЛИСКА

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление *Е. Анисиной*

Оформление обложки *Е. Черновой*

Ранее роман назывался «Печать василиска»

Корсакова, Татьяна.

К69 Гостья, или Печать василиска : [роман] / Татьяна Корсакова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Любовь и тайна. Романы Татьяны Корсаковой).

ISBN 978-5-521-87117-9

В имение «Полозовы ворота» Алю пригласил родной дед, о существовании которого молодая женщина и не подозревала. Она воспитывалась в детдоме, и поэтому очень обрадовалась появлению родственника. Кстати, чрезвычайно своевременному — ей как раз необходимо спрятаться и затаиться. Однако попав в имение, Аля понимает: что-то здесь не чисто. В этих краях существует легенда о пробуждении Василиска, который явится затем, чтобы забрать причитающееся ему. Неужели дед пригласил к себе внучку с какой-то тайной целью?..

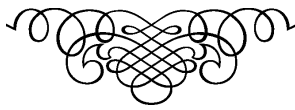
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., 2014

© Оформление.

ISBN 978-5-521-87117-9

ООО «Издательство «Э», 2017

Пусть на рассвете туманно —
Знаю — желанное близко...
Видишь, как тает неожиданно
Образ вдали Василиска?
Пусть всё тревожно и странно...
Пусть на рассвете туманно —
Знаю — желанное близко...

Андрей Белый

Рейсовый автобус, старенький и пыльный, сварливо дребезжащий на каждом ухабе, издал натужный стон и остановился аккурат в центре здоровенной лужи. Аля едва не застонала: отчасти из-за подкатывающей к горлу тошноты, отчасти от безысходности. Все, мосты сожжены, назад дороги нет. Дорога только вперед — в светлое будущее. А то, что будущее начинается в бурой дождевой жиже, еще не самая большая проблема, видывала она проблемы и пострашнее.

— Станция Полозовы Озера! Конечная! — сообщил водитель, маленький, вертлявый мужичок в грязной, а местами даже рваной тельняшке. — Вылазь давай, краля! Приехали! — добавил он и подмигнул Алевтине, удостоил, так сказать, высокой чести.

Аля отвечать на заигрывания не стала, вытащила из-под пассажирского сиденья дорожную сумку, одернула футболку и посторонилась, пропуская спешащую к выходу странную парочку.

Дядька средних лет с внушительным брюшком и купидоновскими кудряшками, обрамляющими

блестящую от пота лысину, отдуваясь и вполголо-са чертыхаясь, волок по проходу здоровенный чемодан. Чемодан сопротивлялся изо всех сил, цеплялся колесиками за ножки сидений, оставлял на грязной резине пола белые дорожки. Следом за дядькой, с видом в равной степени брезгливым и отстраненным, вышагивала мадам, одетая едва ли не по последней парижской моде. Мадам была статной, высокой, еще достаточно молодой и привлекательной. Такой бы разъезжать не в рейсовой колыхаге, а на собственном «Ягуаре» или, на худой конец, «Порше». Да и в этом медвежьем углу ей делать нечего. Баден-Баден, Рим, Венеция — это да, это гармонично и вполне естественно для женщины, сошедшей с обложки модного журнала, но деревенька с романтическим названием Полозовы Озера...

— Вадик, аккуратнее, — мадам мазнула по Алиному лицу равнодушным взглядом и носком изящной туфельки отбросила со своего пути кусок надорванной и изрядно потоптанной газеты. — Я этот чемодан в Милане покупала, не вздумай его поцарапать.

Аля усмехнулась, значит, не ошиблась она на счет Баден-Бадена. Мадам — птица высокого полета, у нее чемодан небось стоит больше, чем весь этот несчастный автобус.

— Не волнуйся, дорогая, — дядька поднапрягся и вытащил-таки чемодан на середину прохода, — все будет в лучшем виде.

— В лучшем виде! — Мадам обмахнулась свежим журналом «Вог» и подняла глаза к потолку, красноречиво давая понять всем присутствующим, как ей все это провинциальное безобразие тяжело и неприятно.

В каком-то смысле Аля была с ней солидарна. Населенный пункт Полозовы Озера вызывал и в ее душе бурю протеста, но, в отличие от мадам, ей выбирать не приходилось.

— Выходим, выходим! Поторапливаемся! — прикрикнул водитель, закуривая папиросу.

От поплывшего по салону вонючего табачного дыма вернулась отступившая было тошнота. Аля торопливо достала из кармана джинсов мятный леденец, сунула его за щеку. Вот что ни говори, странный у нее организм: когда сама за рулем, то ни о какой тошноте речь не идет, но стоит только пересесть на общественный транспорт, как тут же начинается укачивать. От воспоминаний о маленькой и юркой «Мазде», брошенной на произвол судьбы посреди чистого поля, на глаза навернулись слезы. Совершенный Алей поступок был равносителен предательству, но по-другому никак. По-хорошему машинку стоило бы утопить или сжечь, чтобы окончательно замести следы, но совершить такое святотатство рука не поднялась. Предательство еще куда ни шло, но убийство...

— Что это? — От невеселых мыслей Алю отвлек возмущенный голос мадам. — Отгоните немедленно свою колымагу на нормальную дорогу, здесь же воды по колено! Вадик, не смей лезть в эту лужу! Еще, не дай бог, чемодан утопишь!

А, вот, значит, она о чем — о луже! И снова Аля была с мадам солидарна. Форменное безобразие эта лужа.

— А ты не командуй! Раскомандовалась здесь! — беззлобно огрызнулся водитель и сплюнул в открытое по случаю жары окошко. — Видишь, — он указал заскорузлым пальцем куда-то вдаль, — написано: «Остановка». Стало быть, я правильно тормоз-

нул, а останавливаться в неположенных местах мне не дозволено. Меня, между прочим, оштрафовать могут за нарушение правил дорожного движения.

— Да кто тебя, козла немытого, оштрафует?! — А мадам, оказывается, умеет и по-простецки разговаривать, на одном языке с массами. — Да в этом вашем Мухосранске про правила дорожного движения, поди, и не слышали.

— Это у вас там Мухосранск, — обиделся за малую родину водитель, — а у нас здесь места цивилизованные, туристические.

— Откаtywай свою колымагу! — мадам угрожающе взмахнула свернутым в трубочку «Вогом».

Стоящая у двери щупленькая бабулька испуганно ойкнула, перекрестилась, а потом с укором посмотрела на водителя и сказала:

— Совсем ты, Ванька, совесть потерял. Что ж ты над людьми-то издеваешься? Вот я как твоей Зинке пожалуюсь, уж она тебя научит правилам дорожного движения!

Удивительное дело, но бабульку водитель послушался, в сердцах отшвырнул недокуренную папиросу и завел мотор. Правда, новое место парковки оказалось не многим лучше старого: теперь вместо лужи прямо перед открытыми дверями красовалась коровья лепешка. Привычных к подобному натурализму аборигенов лепешка не смутила, а вот мадам сельская экзотика пришлось не по нраву. Наверное, она бы продолжила пререкаться, если бы ее спутник не взмолился:

— Эллочка, солнце мое, я тебя прошу!

Эллочка картинно вздохнула, достала из ридикюля носовой платок, поднесла к носу и, зажмурившись, как перед прыжком с парашютом, переступила через лепешку. Аля спрыгнула следом, бух-

нула сумку на плавающий от полуденной жары асфальт, смахнула со лба капли пота и огляделась.

Населенный пункт Полозовы Озера являл собой типичную для российской глубинки картину. Покосившиеся, вросшие в землю едва ли не по самые окна домики смотрели на окружающий мир уныло, стыдливо прикрывались кустами цветущей сирени, а кое-где угрожающе щетинились самодельными антеннами. Посреди выложенного потрескавшимися от времени бетонными плитами маленького пяточка, аккурат перед приземистым двухэтажным зданием с гордой табличкой «Сельский совет», красовался загаженный голубями бюст Владимира Ильича. Чуть правее находилось средоточие деревенской жизни — магазин. На скамеечке перед ним вели какой-то неспешный разговор местные аксакалы. У их ног деловито сновали туда-сюда рыжие в крапинку куры. Пасторальную картинку довершала точно сошедшая с экрана бричка, запряженная маленькой гнедой лошадкой. Лошадка тихо пофыркивала, мотала головой, отгоняя назойливых мух, шлепала губами и пыталась дотянуться до островка выбивающейся из-под бетона травы.

Аля с удовольствием полюбовалась бы всей этой красотой, если бы не мучивший ее вопрос. В своем последнем письме дед пообещал, что в Полозовых Озерах ее непременно встретят, но в пределах видимости не было ни одной машины. Может, встречающий опаздывает? Это ж в городе время на вес золота, а тут, у истоков, все совсем по-другому.

Аля собралась было присесть здесь же, на завалинке, когда позади что-то громыхнуло и заревело — рейсовый автобус тронулся в обратный путь.

Все, теперь мосты точно сожжены, больше на сегодня в райцентр рейсов не будет, Аля специально уточняла на автовокзале, и если за ней так никто и не приедет, то придется как-то выживать до следующего вечера.

Ну и пусть! Ей не привыкать выживать в условиях, близких к экстремальным. Не это страшно. Страшно, что, если единственная ниточка, дававшая ей надежду на будущее, вдруг сейчас оборвется, на собственной непутевой жизни можно ставить крест, потому что бежать ей больше некуда, да и сил больше никаких нет бегать.

— Доброго здоровьечка! — кто-то бесцеремонно дернул Алю за рукав. — Это ж вы Алевтина?

Встречающий! Ну слава богу! Аля обернулась, да так и застыла с открытым ртом. Встречающий, если, конечно, это он, оказался персонажем до крайности колоритным. Высокий, худой, нескладный, с лицом, по которому определить возраст не представлялось никакой возможности, он смотрел на Алю ясными васильковыми глазами и безмятежно улыбался. Так улыбаться могут только дети и... душевнобольные. Догадку о психическом нездоровье незнакомца подтверждала и его более чем странная экипировка: галифе с красными лампасами, криво подпоясанная армейским ремнем ветхая гимнастерка и лихо сдвинутая на макушку фуражка. В руках он держал тоже что-то милитаристское: не то патронташ, не то планшетную сумку, Аля в таких вещах была несведуща, поэтому с ходу определить сущность данного предмета затруднялась.

— Я говорю, здрасти вам! — мужчинка улыбнулся и взял под козырек. — Я говорю, вы Алевтина? — Он подался вперед, внимательно всмотрелся в Алино лицо.